

Д.А. Хохлов*

**РЕЦЕНЗИЯ: ПРИДВОРНАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ
ВОЗРОЖДЕНИЯ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(ПОД РЕД. Л.М. БРАГИНОЙ, В.М. ВОЛОДАРСКОГО.
М.: РОССПЭН, 2014)**

D.A. Khokhlov

**REVIEW: COURT CULTURE OF THE RENAISSANCE.
ACTUAL PROBLEMS OF MODERN RUSSIAN-LANGIGE
HISTORIOGRAPHY (ED. L.M. BRAGINA,
V.M. VOLODARSKIY. MOSCOW: ROSSPEN, 2014)**

Аннотация. Сборник «Придворная культура эпохи Возрождения» был выпущен в 2014 г. Комиссией по культуре Возрождения Научного совета РАН «История мировой культуры». Среди его авторов — историки-медиевисты, искусствоведы, специалисты по истории науки, литературы и театра. Исследования посвящены частным проблемам придворной культуры Ренессанса и одновременно затрагивают основополагающие вопросы функционирования придворного общества позднего Средневековья и раннего Нового времени. Взгляд на придворную культуру как социальный феномен, связанный с формированием новой структуры двора, представлен в статье Н.А. Хачатурян. М.А. Юсим, В.А. Дятлов и Т.М. Рязкин рассматривают статус придворных деятелей культуры и их взаимоотношения с двором, правителем и иными сообществами. Несколько работ посвящены трансформации средневековых образов в ренессансной придворной культуре. А.В. Романчук и Г.А. Яловко на примере итальянских визуальных источников XIV–XVI вв. проследили трансформацию образа воина в образ придворного. М.К. Попова показала использование средневекового мотива придворной любви в интересах укрепляющегося абсолютизма при дворе Елизаветы I. Использование художественных образов для возвеличивания монарха также рассматривает И.Я. Эльфонд на примере французского короля Франциска I. Вопрос придворного церемониала освещен М.В. Панфиловой на примере папского двора через призму претензий на верховенство римского престола над светскими государями. Критика придворных

---

* *Хохлов Даниил Александрович*, старший редактор редакции мониторинга, информационное агентство ТАСС

Khokhlov Daniil Aleksandrovich, Senior Editor, Monitoring Department, TASS news agency

+7-968-612-75-15; khokhlovhist@gmail.com

порядков со стороны гуманистов представлена в работе В.М. Володарского, проанализировавшего произведения Эразма Роттердамского, Себастьяна Бранта и Ульриха фон Гуттена. Роль правителя в культурной жизни двора рассматривается в работах Н.А. Багровникова и Т.В. Сониной. Освещены и научные изыскания при дворах ренессансных монархов: Р.М. Асейнов анализирует придворную историографию Бургундского герцогства раннего Возрождения; А.В. Кузьмин — придворную науку переходной эпохи от Ренессанса к барокко на примере творчества Галилео Галилея. Кроме этого, ряд исследований посвящены произведениям изобразительного искусства и театру. Анализ работ сборника дает представление о текущем состоянии и актуальных проблемах изучения ренессансной придворной культуры в русскоязычной историографии.

Ключевые слова: придворное общество, Ренессанс, история искусства, история театра, придворный церемониал, гуманизм, архитектура Возрождения.

Abstract. The collection “Court Culture in the Renaissance” was published in 2014 by the Commission for Renaissance Culture of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences “History of World Culture”. The collection’s authors include scholars of Medieval history, art historians, specialists in the history of science, literature and theater. The presented studies are focused on individual topics concerning the court culture of the Renaissance and at the same time touch upon the fundamental questions of the functioning of court society in the late Middle Ages and the early Modern times. N.A. Khachaturian offers a look at court culture as a social phenomenon tied to the formation of a new structure of the royal Medieval court. M.A. Yusim, V.A. Dyatlov and T.M. Ruyatkin examine the status of specific personalities of court culture and their relationship with the court, rulers and other communities. Several articles are dedicated to the transformation of Medieval figures in the Renaissance court culture. A.V. Romanchuk and G.A. Yalovko trace the transformation of the figure of the warrior into the figure of the courtier on the example of Italian visual sources of the 14th–16th centuries. M.K. Popova demonstrates the use of the Medieval motif of courtly love for the benefit of the strengthening absolutism at the court of Elizabeth I. The use of artistic images for exalting the monarch is also considered by I.Y. Elfond on the example of the French king Francis I. M.V. Panfilova examines the topic of court ceremonies on the example of the papal court through the prism of the Roman throne’s claims to supremacy over secular sovereigns. V.M. Volodarsky presents the criticism of court customs on the part of Humanists, analyzing the works of Erasmus of Rotterdam, Sebastian Brant and Ulrich von Hutten. The role of the ruler in the cultural life of the court is considered in the articles of N.A. Bagrovnikova and T.V. Sonina. The scientific studies at the courts of Renaissance monarchs are also discussed: R.M. Aseyinov analyzes the court historiography of the duchy of Burgundy in the early Renaissance and A.V. Kuzmin on the example of Italian visual sources of the 14th–16th centuries the court science in the transition era from the Renaissance to the Baroque on the example of the work of Galileo Galilei. In addition, a number of studies concerns works of visual art and theater.

The analysis of the collection's articles gives an idea of the current state and the current problems of studying the Renaissance court culture in Russian-language historiography.

Keywords: court society, Renaissance, history of art, history of theatre, court ceremonies, Humanism, Renaissance architecture.

* * *

В 2014 г. Комиссией по культуре Возрождения Научного совета РАН «История мировой культуры» был издан сборник статей «Придворная культура эпохи Возрождения» (под редакцией Л.М. Брагиной и В.М. Володарского). В него вошли работы, посвященные данному культурно-историческому явлению и освещающие различные его аспекты.

Сборник включает 21 статью и отражает уровень интереса к названной теме в новейшей русскоязычной историографии, освещая наиболее востребованные сюжеты¹. Здесь представлены работы специалистов различных направлений — историков, искусствоведов, историков науки, литературы, театра, что отражает междисциплинарный характер публикаций Комиссии.

Открывает сборник статья Н.А. Хачатурян «Придворная культура: параметры явления»². Автор ставит перед собой цель дать общую характеристику придворной культуры, делая оговорку о предварительном характере решения такой задачи. Придворная культура рассматривается прежде всего как социальный феномен, связанный с автономной прослойкой средневекового общества — дворами. Для характеристики культуры этого сообщества, как отмечает автор, важны его трансформации и развитие. В этой связи Н.А. Хачатурян пишет о важной роли процесса постепенной утраты дворами административных функций в эпоху развитого Средневековья и раннего Нового времени. В пору Ренессанса двор становится одним

---

¹ Общие работы по культуре Возрождения на русском языке см.: *Брагина Л. М.* Становление ренессансной культуры в Италии и ее общеевропейское значение // *История Европы* / Под ред. А.О. Чубарьяна. Т. 3. М., 1993. С. 455–467; *Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи* / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 1997; *История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения* / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 2001.

По королевскому двору в Средневековье и раннее Новое время см.: *Двор монарха в средневековой Европе. Явления, модель, среда* / Под ред. Н.А. Хачатурян, М.; СПб., 2001; *Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал* / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2004; *Священное тело короля: ритуалы и мифология власти* / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006.

² *Хачатурян Н.А.* Придворная культура: параметры явления // *Придворная культура эпохи Возрождения*. С. 5–17.

из главных центров создания культурных ценностей, хотя в этом принимал участие лишь определенный процент членов придворного общества. На придворную культуру влияли также различные религиозные, политические и духовные факторы. Подчеркивается ее светский характер, хотя Н.А. Хачатурян упоминает и проблему «рецидива религиозности» под влиянием Реформации в XVI в., отмечая, однако, что эта тема требует отдельного рассмотрения. Важным моментом называется совмещение протестантскими правителями церковной и светской власти. Вместе с вопросом об особенностях придворных обществ в регионах, принявших новые учения, автор отмечает и значение дворов правителей, занявших контрреформационную позицию. Особенный интерес здесь могут представлять недостаточно изученные в нашей стране территории, во главе которых стояли католические иерархи. Например, итальянским дворам середины — второй половины XVI в. у нас посвящено достаточное количество работ, но немецкие духовные княжества этого периода остаются пока без внимания специалистов, в то время как в немецкой историографии сама тема так называемых «духовных государств» и их специфической структуры является предметом активных исследований. Большое внимание Н.А. Хачатурян уделяет образу жизни придворных. Его отличительные черты — особый придворный этикет, характерные церемониал и самосознание — служат как бы границей этого сообщества и скрепляют его структуру. Также важен политический фактор. Автор подчеркивает, что, несмотря на происходящую передачу политических функций формирующейся бюрократии, двор по-прежнему играет большую роль в формировании политики. Н.А. Хачатурян отмечает его роль и в выработке теории и идеологии абсолютизма, указывает на значение субъективной роли правителя в развитии культуры. В целом эта работа охватывает все основные социальные и политические аспекты специфики дворов, освещенные в статьях сборника, которые сгруппированы по регионам и представлены материалами по Италии, Германии, Франции, Англии.

Вопросы влияния социальной структуры двора на его культуру, а также статуса непосредственных создателей культурных ценностей при дворе рассмотрены в сборнике в нескольких работах. М.А. Юсим ставит вопрос о «профессиональной» наполненности слова «поэт» в XIV в. на примере Данте Алигьери³. Он затрагивает широкую проблему социального положения интеллектуалов Средневековья в целом и Ренессанса в особенности. Кратко характеризует отношение современников к поэтам и философам, М.А. Юсим

---

³ Юсим М.А. Данте — поэт и придворный // Там же. С. 17–21.

утверждает, что интеллектуалы описываемого периода не могли систематически зарабатывать на жизнь своими произведениями. Тем не менее, существовала традиция покровительства поэтам со стороны правителей и должностных лиц. Анализируя посвящения из предисловий к различным изданиям «Божественной комедии» и свидетельства современников и биографов Данте, М.А. Юсим приходит к выводу, что поэт пытался получить определенную помощь от правителей, бывших почитателями его творчества. М.А. Юсим касается темы взаимоотношений литератора и двора эпохи Предвозрождения, рассматривая неразвитую форму ренессансного двора с неоформившимися отношениями покровительства. Эти отношения проявляются нерегулярно. С другой стороны, мы видим ситуацию, при которой человек был изгнан из своего родного города, потеряв свое общественное положение. Здесь и проявляются те самые личные связи между покровителем и поэтом, которые подчеркивала Н.А. Хачатурян в качестве средневекового наследия, сохранявшегося при дворе государей Возрождения. Впрочем, те же связи впоследствии приводят к формированию придворных группировок, клиентел в государствах раннего Нового времени.

Статья Т.В. Сониной посвящена описанию культурного наследия болонского двора периода его расцвета в XV в.⁴ Автор предпринимает попытку реконструкции его культурной среды: по сохранившимся описаниям и отдельным элементам декора Т.В. Сониная стремится представить внешний облик дворца династии Бентивольо и придворных торжеств, призванных показать величие правителя⁵. Также в работе характеризуются письменные и живописные памятники, созданные в Болонье в XV в., и отмечены связи университета и двора: первый являлся поставщиком кадров для второго и пользовался покровительством правителя. Важным представляется и рассмотрение роли в придворной жизни жены правителя. Т.В. Сониная сравнивает жену Джованни II Бентивольо Джиневру, мать многочисленного семейства, с другими известными супругами ренессансных государей: Баттистой Сфорца, Елизаветой Гонзага, Изабеллой д'Эсте и Элеонорой Арагонской. В этом ряду болонская правительница не выдерживает конкуренции — следов ее участия в культурной жизни практически нет⁶. Зато она была активно вовлечена в политическую борьбу. В целом, статья Т.В. Сониной вносит заметный вклад в из-

---

⁴ Сониная Т.В. Двор болонских правителей: осколки великолетия // Там же. С. 49–57.

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Там же. С. 54.

учение художественного наследия и реконструкцию образа жизни провинциальных дворов Италии эпохи раннего Возрождения. Его поздней фазе, мастерам периода маньеризма и созданным ими предметам роскоши, вошедшим в знаменитую коллекцию семейства Медичи, посвящена статья В.Д. Дажиной «Великолепная Флоренция: художники на службе двора Медичи».

Работа В.А. Дятлова, исследующая место художника Лукаса Кранаха Старшего и теолога Андреаса Карлштадта в отношениях двора саксонского курфюрста Фридриха Мудрого и города Виттенберга в первой половине XVI в.⁷, отчасти перекликается со статьей М.А. Юсима. Здесь тоже речь идет о культурных деятелях, работавших при дворе. Однако В.А. Дятлов рассматривает их положение в контексте конфликта между княжеским двором и городом, причем сюда вплетается вопрос о связях двора и университета, который в Виттенберге фактически был подчинен герцогу, своему основателю⁸. Стоит заметить, что, задаваясь вопросом о «моделях отношений двора и интеллигенции в период Возрождения и Реформации», исследователь, на мой взгляд, неосторожно использует термин «интеллигенция» применительно к данной эпохе. Здесь, пожалуй, прав М.А. Юсим, утверждающий, что об интеллигенции как сословии можно говорить лишь в отношении Нового времени. В.А. Дятлов рисует самобытную картину немецкого курфюршеского двора первой половины XVI в. Придворное общество здесь очень слабо отделено от городской верхушки, что автор наглядно показывает на примере Лукаса Кранаха, который пытался совместить статус бюргера и придворного. В ходе конфликта между городом и княжеской властью и Кранах, и Карлштадт переходят на сторону горожан. Если для предреформационного периода было характерно большое количество заказов художнику от двора и курфюрста, то с развитием Реформации после Вормского рейхстага 1521г. повышается значение города, в том числе в потоке заказов Кранаху. Он активно участвует в городской жизни, избираясь в совет и занимаясь предпринимательством. Карлштадт, в свою очередь, занимает радикальную реформационную позицию, отвергающую внешние проявления религиозной жизни, и требует проведения дальнейших реформ силами городской общины. Это приводит его к разладу с двором и заканчивается изгнанием реформатора. Мы видим, что художник Кранах и теолог Карлштадт в гораздо большей мере, чем поэт Данте двумя веками ранее, зависят от общественного

---

⁷ Дятлов В.А. Княжеский двор и город в творчестве и судьбах Лукаса Кранаха Старшего и Андреаса Карлштадта // Там же. С. 107–121.

⁸ Там же. С. 108.

заказа в своем творчестве. В то же время описанный В.А. Дятловым конфликт Кранаха и студентов-дворян раскрывает двойственность ситуации, стремление художника выделить себя из бюргерской среды за счет принадлежности ко двору, в чем его поддерживает сам герцог⁹. Но хотя двор курфюрста гарантирует престиж и достаток для работающих для него интеллектуалов, Дятлов показывает, что в целом немецкий двор даже в двадцатые годы XVI в. еще полностью не оформился, не выделился из окружающей среды и не всегда может привлечь интеллектуалов, которые часто ассоциируют себя с другими центрами культуры — городом и университетом.

Статья Т.М. Руюткиной посвящена английским гуманистам, работавшим при дворе в эпоху Тюдоров¹⁰. Ее целью является показ места гуманистов в английском придворном обществе. Для этого автор выделяет роли, которые могли играть гуманисты. Это государственный деятель, дипломат, духовник, учитель и деятель культуры. Т.М. Руюткина отмечает изменение отношений между монархом и гуманистами: конфликт между гуманистической идеологией и стремлением к абсолютизму, после чего центральное положение при дворе занимают деятели, прославляющие безусловную власть монарха¹¹. Автор статьи ставит вопрос о растущей консолидации двора вокруг королевской власти, что отражается и на творчестве придворных авторов. Возможно, правомерно говорить о мобилизации всех интеллектуальных сил двора для прославления правителя и поддержки формирующейся идеологии абсолютизма, как и о растущем проникновении подобных идей в среду интеллектуалов, которые к заботе о воспитании идеального государя добавляют прославление нынешнего правителя.

Статья М.К. Поповой посвящена использованию средневекового образа кургуазной любви при дворе Елизаветы Тюдор¹². Исследование развивает тезис О. В. Дмитриевой о рыцарских традициях как уникальной черте этого придворного сообщества¹³. М.К. Попова, в частности, исследует корни некоторых придворных порядков и находит смешение средневековых рыцарских форм и новых, возрожденческих представлений об образе жизни при дворе. В центре

---

⁹ Там же. С. 117.

¹⁰ Руюткина Т.М. Английские гуманисты при дворе Тюдоров: роли и портреты // Там же. С. 199–207.

¹¹ Там же. С. 202.

¹² Попова М.К. Средневековые традиции в придворной культуре Англии елизаветинской эпохи // Там же. С. 210–216.

¹³ Дмитриева О.В. Елизавета I. Семь портретов королевы. Смоленск, 2002. С. 162.

исследования — куртуазная любовь. Елизавета предстает перед своими придворными в качестве средневековой дамы, эксплуатируя этот образ. Автор также подчеркивает, что подобные образы использовались для пропаганды абсолютного правления: королева представлялась всенародной возлюбленной¹⁴. На этом частном примере показывается использование образов, типичных для Средневековья, но переосмысленных в рамках ренессансной культуры.

А.В. Романчук и Г.А. Яловко прослеживают трансформацию визуального образа рыцаря из воина в придворного по итальянским иллюстрациям XIV–XVI вв.¹⁵ Заслуживает внимания метод исследования: основным критерием изменений становится военное снаряжение. Анализируется постепенная смена боевого оружия и доспехов на парадные. Сами авторы указывают на определенные границы своего метода — для проверки их выводов и дальнейших исследований необходимо привлекать узких специалистов по оружию данной эпохи. Несмотря на такую специфичность А.В. Романчук и Г.А. Яловко затронули очень важную проблему проникновения рыцарской воинской субкультуры в придворное общество и исследовали ее отражение в изобразительном искусстве. Эта статья перекликается с работой М.К. Поповой: они обе исследуют трансформацию и использование средневековых представлений при ренессансном дворе. В этой связи необходимо упомянуть еще одну статью — искусствоведческое исследование Н.В. Хряковой о миниатюрах на религиозные сюжеты из итальянской рукописи середины XV в., созданной для миланского герцога и хранящейся в Российской национальной библиотеке¹⁶. Автор вводит в научный оборот визуальные источники, ранее не привлекавшие внимания ни российских специалистов, ни иностранных коллег.

Еще одна важная тема сборника — придворный образ жизни, церемониал и этикет, то, что Н.А. Хачатурян отмечала как отличительную черту придворного общества, в значительной мере консолидировавшую его внутреннюю структуру. М.В. Панфилова исследует вопрос церемониала папской курии, связанный с обрядом целования папы¹⁷. Возможно, главная заслуга исследовательницы со-

---

¹⁴ Попова М.К. Средневековые традиции... С. 214.

¹⁵ Романчук А.В., Яловко Г.А. Придворный рыцарский церемониал в иконографии ряда итальянских произведений XIV–XVI вв. // Придворная культура эпохи Возрождения. С. 26–33.

¹⁶ Хрякова Н.В. Несколько миниатюр на религиозные сюжеты из рукописи К. Сакко для миланского герцога // Там же. С. 41–47.

¹⁷ Панфилова М.В. Как правильно целовать папу римского? Указания курialesного церемониала конца XV в. // Там же. С. 33–39.

стоит в представлении интересного материала по обрядовой стороне жизни римского двора. Она прослеживает развитие этого обряда и анализирует его смысловое наполнение с церемониальной точки зрения. В качестве источников используются работы церемониариев и описания различных обрядов и ритуалов при папском дворе. Приведенный фактический материал интересен для иллюстрации ритуальной стороны борьбы пап за верховенство своей власти. Автор концентрируется на внутренней логике церемониала, делая вывод, что претензии пап на подобное выражение почтения со стороны светских государей были канонически обоснованы. На примере этого материала можно составить представление о важной роли двора в легитимации претензий папы.

Однако тот самый придворный этикет и особый уклад жизни придворных, который являлся одной из важнейших консолидирующих черт этой группы, становился также и предметом критики писателей-гуманистов. Такая критика немецких авторов эпохи Возрождения исследуется в статье В.М. Володарского¹⁸. Проследив вкратце развитие темы критики придворных нравов в немецкой литературе на протяжении Средневековья, он анализирует произведения Эразма Роттердамского, Себастьяна Бранта и Ульриха фон Гуттена, имеющие отношение ко двору и придворным. Наибольшее внимание уделено исследователем последнему автору. В.М. Володарский отмечает, что наряду с критикой с позиций морали и религиозного благочестия (Брант и Эразм), актуальна и тема непригодности придворной атмосферы для творчества (Гуттен). Работы всех трех рассматриваемых авторов рекомендуют удаление от двора, выражая таким образом тяготение к другим центрам ренессансной культуры, например, университетам, городам или же кружкам гуманистов, не связанным с какой-то формальной институцией. Здесь уместно вспомнить статью В.А. Дятлова, показавшего, что в XVI в. двор немецкого правителя еще не набрал в себе силы, чтобы выигрывать конкуренцию за высокообразованных деятелей культуры и искусства.

Тема субъективной роли государя в развитии культуры при своем дворе исследуется в работе Н.А. Багровникова, посвященной герцогу Альбрехту Прусскому¹⁹. Н.А. Багровников исследует переписку герцога Альбрехта и организатора печатной мастерской в Кенигсберге Ганса Луффта. Здесь мы видим типичную для немецких земель, знаковую по статьям В.А. Дятлова и В.М. Володарского,

---

¹⁸ Володарский В.М. Критика придворных нравов в творчестве немецких гуманистов // Там же. С. 92–104.

¹⁹ Багровников Н.А. К характеристике личности герцога Альбрехта Прусского по его переписке с печатником Гансом Люфтом // Там же. С. 123–131.

полицентричность культуры: печатник, работающий при дворе, находится в тесных отношениях также с городом и университетом. Здесь важно и то, что автор показывает роль правителя в развитии новых отраслей культуры при своем дворе. Что же касается вывода о благородстве и честности прусского герцога, то он вполне отражает идеальные представления современников о монархе той эпохи.

Статья Р.М. Асейнова, посвященная бургундской придворной историографии, построена на анализе эволюции исторической науки в раннюю пору эпохи Возрождения, на материале бургундской хронистики, в поисках исторической достоверности претерпевающей существенные перемены²⁰. Поздний период развития научной мысли Ренессанса, достижения астрономического знания, обогащающие уже процесс становления барочной культуры в ее связи с интересами двора Великого герцога Тосканы освещены в работе А.В. Кузьмина «Придворный стиль в научно-литературном творчестве Галилео Галилея»²¹.

Эволюции образа короля во французской придворной культуре XVI в. посвящена статья И.Я. Эльфонд²². Исследование фокусируется на репрезентативной роли двора в целом: подчеркивается, что делу прославления монарха служили не только культурные памятники, создававшиеся придворными деятелями, но и сам образ жизни, этикет и организация двора. Главным продуктом придворной культуры был образ правящего государя. В его создании принимали участие представители всех искусств — от художников до поэтов. И.Я. Эльфонд выделяет, однако, как ведущую, роль именно изобразительных искусств и архитектуры в абсолютистской пропаганде, по сравнению с политической литературой, создававшей образ идеального монарха и дававшей советы по его воплощению²³. Это было связано с появлением во время религиозных войн большого количества памфлетов, направленных против короля и представлявших образ короля-тирана. В частности, автор подробно анализирует типы королевских портретов в их развитии на протяжении XVI в., используя богатый изобразительный материал. Не меньшая роль отводится художественной литературе. Подробно рассматривается творчество Ронсара и его работа по прямым заказам от короля. Таким образом,

---

²⁰ Асейнов Р.М. «Историческая культура при дворе герцогов Бургундских: к вопросу о «Бургундской школе» // Там же. С. 134–151.

²¹ Кузьмин А.В. Придворный стиль в научно-литературном творчестве Галилео Галилея // Там же. С. 253–258.

²² Эльфонд И.Я. Образ монарха в придворной культуре Франции XVI века // Там же. С. 152–170.

²³ Там же. С. 156–157.

И.Я. Эльфонд удалось показать важную роль придворного искусства в формировании образа королевской власти в условиях ожесточенной политической борьбы во Франции XVI в.

Значительная часть работ сборника посвящена различным видам искусства, представленным при дворе, и репрезентации монархов при их помощи. Французская репрезентативная живопись представлена статьей Л.Е. Торшиной²⁴. Ее тематика перекликается с темами статьи И.Я. Эльфонд, которая также значительное внимание уделяет портретной живописи. Однако Л.Е. Торшина обращается в основном к творчеству художников второй половины XV — первой половины XVI в., прослеживая зарождение и утверждение ренессансного портретного искусства при французском дворе. Автор рассматривает взаимосвязь между развитием портрета и придворной культурой в целом и приходит к выводу о более быстром развитии ренессансных тенденций в портрете, чем в остальных сферах искусства²⁵. Надо отметить также еще один вывод исследовательницы, сильно отличающийся от мнения И.Я. Эльфонд: Л.Е. Торшина считает, что «принадлежит к искусству двора, французский портрет эпохи Возрождения не стал придворным искусством. Он стал искусством ренессансным, воплотившим дух и смысл гуманистической культуры в образах и лицах королевского двора Франции как общенационального центра французского Возрождения»²⁶. И.Я. Эльфонд, в свою очередь, подчеркивала ведущую роль портрета в создании пропагандистских образов, участие короля и двора в формировании заказа для художников²⁷. В представлении Л.Е. Торшиной заказы от двора мало влияли на художественные особенности произведений. Надо также отметить, что И.Я. Эльфонд, в основном, работает с картинами второй половины XVI в., а Л.Е. Торшина — более раннего периода. Возможно, этим объясняется такая разница во мнениях. Все же распространение Л.Е. Торшиной своих выводов на весь французский ренессансный портрет представляется слишком категоричным.

Роли архитектуры в придворной культуре в составе сборника посвящена статья Е.А. Ефимовой о декорациях придворных торжеств во Франции²⁸. Основным объектом рассмотрения являются торже-

---

²⁴ Торшина Л.Е. Французский королевский двор и ренессансный портрет // Там же. С. 172–186.

²⁵ Там же. С. 186.

²⁶ Там же.

²⁷ Эльфонд И.Я. Указ. соч. С. 155.

²⁸ Ефимова Е.А. Декорации придворных празднеств и торжественных въездов в архитектуре ренессансной Франции // Придворная культура эпохи Возрождения. С. 187–197.

ственные въезды королей и членов королевской семьи. Автор рассматривает создававшиеся для таких случаев временные декорации с точки зрения их значения для развития архитектуры ренессансного периода. А.Е. Ефимова приводит примеры использования форм и идей подобных сооружений в различных постройках и делает вывод об их важной роли в разработке новых форм, а также архитектурных теорий во Франции эпохи Возрождения.

К теме новаторства итальянского Ренессанса в области монументальной скульптуры, создания конных памятников правителям и другим людям высокого социального статуса обратилась О.Г. Махо²⁹. Она исследует эти важные образцы художественной репрезентации и портрета, сопоставляя традиции, восходящие к античности, с творческими решениями эпохи Возрождения.

Две статьи сборника посвящены театру эпохи Возрождения. Обе основываются на английском материале, причем относящемся уже к разновидности театральных постановок XVII в. Работа В.А. Ковалева исследует придворные театральные представления — «маски», разыгрывавшиеся при дворе короля Якова I Стюарта. Он прослеживает символы королевской власти в этих представлениях, которые используются для создания собственной мифологии правящей династии. Интересно и понимание автором сути «масок»: они представляются неким ритуалом, посвященным королю, который служит складыванию мифа³⁰. Таким образом, иллюстрируется роль придворного театра в репрезентации королевской власти. Данная статья оставляет без ответа вопрос о том, какое отношение имеет театр описываемого периода к своему предшественнику эпохи Ренессанса. Эта проблема вынесена в название работы Е.А. Кирьяновой, посвященной даже более позднему времени — правлению Карла I³¹. В статье подробно освещается и комментируется сюжет одной «маски», поставленной при дворе в 1640 г. Главным наследием ренессансного театра автор полагает использование античных образов³². Однако культура барокко, в том числе репрезентативная, также часто прибегала к использованию античных образов. Относительно анализируемого произведения было бы интересно поставить вопрос о соотношении традиционных, возрожденческих, и новых черт. Из такого сравнения

---

²⁹ Махо О.Г. Конный памятник в Италии эпохи Возрождения // Там же. С. 59–66.

³⁰ Ковалев В.А. Символы королевской власти в придворном театре Якова I Стюарта и формировании мифологии династии // Там же. С. 221.

³¹ Кирьянова Е.А. Традиции ренессансного театра накануне Революции при Карле I Стюарте (по материалам маски «Сальмакидова добыча» // Там же. С. 239–250.

³² Там же. С. 250.

мог бы быть получен и ответ на вопрос, насколько «ренессансным» был английский театр в начале и тем более в середине XVII в.

Сборник завершается ценной публикацией — переводом с латинского языка сочинения знаменитого итальянского гуманиста Джованни Понтано об образе идеального государя, написанном в виде послания герцогу Калабрии Альфонсу (вступительная статья и комментарии Л.М. Брагиной)³³.

Подводя итоги рассмотрению данного сборника, необходимо отметить, что он стал определенным срезом состояния русскоязычной историографии проблемы придворной культуры. На основании его статей можно делать выводы об актуальных направлениях исследований. Междисциплинарный характер сборника позволил представить разнообразные отрасли придворной культуры и искусства. Много внимания традиционно было уделено изобразительному искусству, которое активно развивалось при дворах. Наряду с ним представлены и статьи, посвященные литературе, книгопечатанию, театру и проч. На примере различных видов искусства исследуются вопросы репрезентации власти. Вместе с тем, очень важно, что продолжают изучаться и социально-политические факторы развития придворной культуры. Из регионов наибольший интерес традиционно вызывает Италия как эталон культуры Возрождения. Определенное сожаление вызывает лишь то, что в сборнике не представлен такой важный очаг придворной культуры, как Испания. Позитивным фактором является использование в ряде описанных работ материала из российских библиотек и музеев, а также ставшее традицией в серии сборников Комиссии по культуре Возрождения иллюстрирование книги работами мастеров искусства XV–XVI вв.

References

Bragina L.M. *Stanovlenie renessansnoj kul'tury v Italii i ee obshcheevropejskoe znachenie* [The Becoming of Renaissance Culture in Italy and Its Pan-European Significance] // *Istoriya Evropy* [History of Europe]. Т. 3. Ed. by A.O. Chubaryan. Moscow: Nauka, 1993, pp. 455–467.

Dvor monarha v srednevekovoj Evrope. Yavleniya, model', sreda [The Monarch's Court in Medieval Europe. Phenomena, Model, Environment] / Ed. by N.A. Khachaturian. Moscow; St.-Petersburg: Aletejya, 2001. 352 p.

Istoriya kul'tury stran Zapadnoj Evropy v epohu Vozrozhdeniya [History of Culture of Western European Countries in the Era of the Renaissance] / Ed. by L.M. Bragina. Moscow: Vysshaya shkola, 1999. 479 p.

---

³³ Понтано Дж. Государь (перевод с латинского языка А.Ф. Федорова, вступит. статья и комм. Л.М. Брагиной) // Там же. С. 275–299.

Korolevskij dvor v politicheskoj kul'ture srednevekovoj Evropy. Teoriya. Simvolika. Ceremonial [The Royal Court in the Political Culture of Medieval Europe. Theory. Symbolism. Ceremonies] / Ed. by N.A. Khachaturian. Moscow: Nauka, 2004. 540 p.

Kul'tura Vozrozhdeniya i religioznaya zhizn' epohi [The Culture of the Renaissance and the Religious Life of the Epoch] / Ed. by L.M. Bragina. Moscow: Nauka, 1997. 224 p.

Svyashchennoe telo korolya: ritualy i mifologiya vlasti [The Sacred Body of the King: Rituals and Mythology of Power] / Ed. by N.A. Khachaturian]. Moscow: Nauka, 2006. 484 p.

Поступила в редакцию